

Д. В. Тимофеев

**КОНЦЕПТ «РЕСПУБЛИКА» В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.**

doi: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-93-102

УДК 94(47)“18”

ББК 63.3(2)521

На основе сравнительно-контекстуального анализа публикаций в российской периодической печати первой четверти XIX в. реконструированы способы аргументации, которые одновременно существовали в процессе легального публичного обсуждения идеалов и практики республиканизма. В качестве методологического инструментария, позволяющего выявить представления современников о сущности республики, причинах ее возникновения и упадка, характера взаимоотношений граждан и государства использованы теоретические подходы современной истории понятий. Установлено, что интеллектуальный контекст республиканского дискурса в России выстраивался на основе совмещения двух пространственно-временных перспектив — исторического опыта республик древнего мира и описания вариантов воплощения республиканской идеи во Франции, небольших и экзотических для российского читателя странах мира, а также положения в республике «Соединенных Американских областей». В публичном пространстве России первой четверти XIX в. республиканизм оставался важным элементом дискурса «о наилучшей форме общежития», отправной точкой которого было утверждение о первостепенной значимости морально-нравственных качеств подданных/граждан и монарха для устойчивого функционирования властных институтов. Такое прочтение республиканской идеи в России обусловило смещение акцента с вопроса об институциональном воплощении республики на размышления о возможности совмещения республиканизма как идеи совместного действия патриотически настроенных граждан, их участия в общем деле с исторически сложившейся монархической формой правления.

Ключевые слова: *республика, республиканизм в России, история понятий, история общественной мысли в России XIX века*

В России последней трети XVIII — первой четверти XIX в. ключевым аспектом осмысления социально-политической реальности был вопрос о соотношении морали и политики, политических институтов и характера взаимоотношений власти и подданных. В качестве ориентиров рассматривалась либо патерналистская модель правления просвещенного монарха, который, устанавливая законы, сам их неукоснительно соблюдал, либо исторические примеры древних республик. При этом важно отметить, что для современников и республиканский способ общежития (в его первоначальном виде), и правление «философа на троне» были лишь теоретическими конструктами, которые не имели полномасштабного воплощения в реальности.

Одним из подходов, позволяющих выявить, как республиканская идея сосуществовала в России с официальными установками монархического государства, является методология истории понятий. Наличие публикаций программных текстов и подробных обзоров

работ основоположников кембриджской школы (Кв. Скиннер, Дж. Покок) и последователей *Begriffsgeschichte* Р. Козеллека¹ позволяет, не описывая общетеоретические контуры каждого из подходов, сконцентрировать внимание на вопросах их применимости при изучении истории общественно-политической мысли в России первой четверти XIX в.

В конкретно-исторических исследованиях историю понятий следует рассматривать не в качестве конечной цели, а как особый метод работы с текстом, способ реконструкции истории общественного сознания с учетом сложившегося *интеллектуального контекста*, обуславливавшего возможность и необходимость употребления определенного социально-политического понятия, значение которого могло по-разному интерпретироваться современниками. При этом важен не сам по себе факт его употребления, а сознательное намерение автора

Тимофеев Дмитрий Владимирович — д.и.н., доцент, руководитель Центра социальной истории, в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: dmitrtim@yandex.ru

¹ См.: Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. С. 7–52; Миллер А. И., Сдвижков Д. А., Ширле И. «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Предисловие // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. 1. С. 5–46; Бёдекер Х. Э. Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история метафор: сборник статей. М., 2010. С. 34–65.

текста объяснить значение понятия другим, рассчитывая на определенную реакцию со стороны потенциального слушателя и/или читателя. Таким образом, история понятий — это не история изменения содержания отдельных понятий в широком временном диапазоне, а *история социально-коммуникативных практик*, прямого или опосредованного диалога между авторами и читателями, авторами и различными властными институтами, а также история сосуществования и/или вытеснения известного ранее значения новой трактовкой. Очевидно, что реализация данного подхода невозможна без реконструкции контекста, под которым следует понимать не столько общие социально-экономические или политические условия, но главным образом совокупность известных современникам *способов аргументации*, которые *одновременно* сосуществовали в различных по идейной направленности и функциональному назначению текстах. С этих позиций одним из условий адекватного понимания республиканизма, при отсутствии значимых и оригинальных политико-философских трактатов российских авторов, которые были бы доступны для публичного обсуждения,² на наш взгляд, является существенное расширение комплекса источников посредством привлечения словарей и материалов периодической печати.

В рамках статьи внимание сконцентрировано на феномене легального публичного обсуждения республиканизма, выявлении приемлемых для современников способов его встраивания в существовавшую систему взаимоотношений власти и подданных, определении позитивных и негативных трактовок республики. Содержательно своеобразие республиканского дискурса состояло в том, что феномен республики рассматривался и как исторический факт отдаленного прошлого, и как современная реальность в ряде стран мира. Именно такая темпоральная многослойность концепта «республика» обуславливала возможность публичных дискуссий о достоинствах и недостатках республики с использованием исторических примеров Древней Греции и Рима, современных стран Европы, США и даже ряда экзотических для российского читателя государств мира.

² О сложившихся в историографии подходах и их критическом осмыслении см. подробнее: Велижев М. Б. Республиканизм в общественной мысли России первой половины XIX в. // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. М., 2021. С. 399–505.

Исторический опыт республики: ретроспективные трактовки в публичных текстах

В текстах, ориентированных на широкий круг читателей, отчетливо прослеживается намерение авторов объяснить, при каких условиях возникали древние республики и какие факторы оказывали влияние на их укрепление и/или трансформацию в другие формы правления. В «Новом словотолкователе» Н. Яновский предложил читателям определение республики и обозначил ее разновидности: «Республика собственно значит: общее, общественное дело; обыкновенно же приемлет за область, страну, в которой Правление или верховная власть находятся в целом теле нации, или принадлежит одним только дворянам той нации. В первом случае республика называется демократиею, а во втором Аристократиею».³ Используя ряд аргументов, автор подводил читателя к утверждению о нестабильности республиканской формы правления и нецелесообразности ее распространения в современном мире. Возникновение республики трактовалось им как следствие неразумного, безответственного поведения правителей, чрезмерной концентрации власти и нарушения ими законов. В этой связи Н. Яновский констатировал: «История первых веков не представляет нам никаких *республик*: везде мы видим Царей, которые управляли народом преимущественно. Подданные свергли с себя иго и начали управлять сами собою не прежде как в то время, когда Цари, к великому несчастью других, восхотели быть тиранами».⁴

Аналогичную взаимосвязь между возникновением республики, поведением монархов и общественными настроениями читатель мог найти в публицистических произведениях российских авторов. Так, например, И. М. Сниткин в журнале «Невский зритель» отмечал, что первым шагом в сторону от монархического правления в Древней Греции стали споры между «монархами», которые в итоге привели к ослаблению их власти, междоусобицам и войнам. Дальнейшие политические обстоятельства обусловили «перемену настроений умов», что привело к тому, что «во всей Греции из монархического правления происходило

³ Яновский Н. Новый словотолкователь расположенный по алфавиту. СПб., 1806. Т. 3. Стб. 549–550.

⁴ Там же. Стб. 555.

республиканское».⁵ Но такой сценарий развития событий, по мысли автора, имел и более широкое основание, сформированное сочетанием природно-климатических условий и особенностями мировосприятия народа. С этих позиций главной причиной возникновения республики автор называл «счастливый климат и пылкое воображение Афинян», которые в совокупности с мифологией и литературой «беспреданно возобновляли в них понятие о Золотом веке». Распространенная в сознании греков вера в возможность воплощения идеала, «характер их, образованный искусствами, и способы жизни веселой, умеренной, были более согласны с республиканским духом правления».⁶

Акцентирование внимания читателей на сочетании внешних обстоятельств и морально-нравственных качеств использовалось также и для объяснения причин длительного существования республики. Действенным фактором «соединения ума и сердца твердым союзом», поддержания в народе «духа республики» и стремления к самопожертвованию, готовности положить всё на «алтарь Отечества» были, по мнению автора, Греко-персидские войны.⁷ Аргумент значимости «гражданских добродетелей» воспроизводился и при описании причин падения республики: граждане «престали уже питать в себе благородные ее побуждения... никто почти не хотел думать о делах общественных; одни зрелища и театр занимали всех. Афиняне сделались рабами страстей своих».⁸ Все это привело к тому, что даже после восстановления прежнего правления в обществе «не было нравов, и все усилия не могли оживить умирающей свободы Республики Афинской».⁹

Не менее распространенным способом трансляции в публичном пространстве Российской империи первой четверти XIX в. представлений о сущности подлинной республики были публикации переводов, стилизованные под произведения античных авторов. Одним из таких текстов является сочинение под заголовком «Платонова Республика». Опубликованный в официальном журнале Министерства внутренних дел, на страницах которого регулярно печатались манифесты, указы, рескрипты, всеподданнейшие доклады и другие

распоряжения верховной власти, текст недвусмысленно демонстрировал допустимые для общественного обсуждения трактовки концепта республики. В общем виде они сводились к нескольким принципам построения идеальной «республики Платона».

Во-первых, представленный российскому читателю в форме рассказа Платона текст содержал рассуждения о способах формирования гражданских добродетелей, которые необходимы при любой форме правления. В данном контексте показательна формулировка цели разговора Платона с учениками: «Не Монархии или Демократии должен я план представить. Пусть власть будет в руках одного или многих, мне все равно. Я составлю Правительство, в котором народы были бы счастливы под владычеством добродетели».¹⁰ В такой трактовке первостепенное значение имело воспитание граждан республики, особенно в том случае, когда речь идет о подготовке и последующем выборе людей, которые будут причастны к управлению: «...философы, назначаемые главами нашей республики, ...будут сильны и велики духом, единственно заняты благом народа, просвещены превосходною теориею и долговременными опытами во всех частях управления...»¹¹

Во-вторых, утверждалось, что республика не предполагает установления социального равенства. Все ее жители должны быть разделены на «три разряда»: на «наемников или чернь; на воинов или защитников отечества; на судей или мудрых».¹² Описывая цели воспитания воинов, автор писал: их «истинное геройство» будет состоять «в господстве над страстями и повиновении закону», «должно, чтобы они беспреданно побеждали волю свою и чтобы с помощью беспреданных лишений привыкли думать, действовать, дышать единственно для блага Республики».¹³ В случае же, если человек не способен к такому служению обществу, то он не будет принят в «класс воинов, но останется в ремесленниках или хлебопашцах, ибо состояние не рождением, но единственно качествами души определяться будут».¹⁴ Представленная трактовка социально-статусной структуры республики в восприятии потенциального читателя не противоречила

⁵ Сниткин И. М. О правлении, образованности и политических переменах Греции, с объяснением причин ее возвышения и упадка // Невский зритель. 1820. Ч. 1, февраль. С. 1.

⁶ Там же. С. 8.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 9.

⁹ Там же. С. 10.

¹⁰ Платонова Республика // Санктпетербургский журнал. 1805. № 5, май. С. 92.

¹¹ Там же. № 6, июнь. С. 119–120.

¹² Там же. 1805. № 5, май. С. 92.

¹³ Там же. С. 101.

¹⁴ Там же.

сословной структуре российского общества, где каждое «состояние», как неоднократно заявлялось в манифестах, жалованных грамотах (дворянству и городам) и иных нормативно-правовых актах, выполняло определенную общественно значимую функцию. Описанию Платоном роли воинов (за исключением принципов подчеркнута идеальной системы воспитания и отношения к собственности) соответствовало положение российского дворянства, часть из которого получала «дворянское состояние» не по наследственному принципу, а в результате военной или гражданской службы в государственных структурах.

Важным риторическим приемом, с помощью которого описание «республики Платона» позволяло ответить на неизбежно возникавший у вдумчивого читателя вопрос о возможности реализации подчеркнута идеалистической модели республики, был диалог ученика и учителя. На вопрос Аристотеля, «думает ли он, что его республика существовать может», Платон ответил: «...я представляю вам картину совершеннейшей республики, я предлагаю ее образцом к коему правления приближаясь делаются более, а удаляясь менее счастливыми». ¹⁵ Предложенная формулировка предполагала вариативность конкретных форм организации властных институтов республики в различных странах мира, так как важна была не структура управления, а форма общежития, позволяющая почувствовать гражданину свою сопричастность к общему делу республики.

В публичных текстах первой четверти XIX в. обращение к историческому опыту существования республик сопровождалось констатацией еще одной принципиально важной характеристики республики, которая нередко использовалась для обоснования нецелесообразности ее установления в России. Обращаясь к историческому опыту древних республик и одновременно ссылаясь на произведения европейских мыслителей, российские авторы воспроизводили тезис о невозможности существования республики в больших государствах. ¹⁶ Утверждалось, что в больших государствах единственным способом учета мнения граждан является избрание представителей от народа, но это неизбежно приводит к утрате духовной общности и, как следствие, к гибели республики. Выбранные представители народа не только

утрачивают связь со своими избирателями, но и «разделяются на разные партии» и отстаивают свои собственные внутригрупповые интересы, что приводит к «несогласию» и междоусобным войнам. ¹⁷ С этих позиций Н. Яновский, размышляя о достоинствах и недостатках республики и монархии, констатировал: «Правда, что во всех разных образах правления находятся выгоды и частные злоупотребления; но то доказано долговременными опытами, что в Монархическом правлении находятся выгоды превосходнейшие и встречается гораздо меньше неудобств». ¹⁸ Показательно, что автор не уточняет, какие именно «неудобства и злоупотребления» могут возникнуть в монархическом государстве. Для него принципиально важно показать условия, позволяющие предотвратить их возникновение: это возможно при «благоразумном и добродетельном монархе» и гражданах, обладающих чувством «любви к Отечеству». ¹⁹

Таким образом в текстах, ретроспективно объясняющих российскому читателю, что такое республика и какие условия необходимы для ее существования, использовались общие и для монархии, и для республики понятия «добродетель» и «любовь к Отечеству», акцентировавшие внимание на важности поддержания духовной общности граждан. Подобная трактовка, конечно, не означала отрицания принципиальных различий между двумя формами правления, но позволяла построить разговор о республике в общий политический контекст самодержавной России.

Современные республики в периодической печати

На страницах российских журналов первой четверти XIX в. республика была представлена не только как явление отдаленного прошлого, но и как настоящее ряда современных стран. Относительно недавние революционные события во Франции и провозглашение республики, война за независимость Северо-Американских областей и установление республиканской конституции — все это обусловило пристальный интерес российской прессы к свидетельствам жизни в странах с республиканской формой правления.

Наиболее отчетливо содержательное наполнение концепта «республика» представлено в публикациях переводов республиканских

¹⁵ Там же. № 6, июнь. С. 108, 109.

¹⁶ См.: Яновский Н. Указ. соч. Т. 3. С. 552.

¹⁷ Там же. Стб. 551.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

конституций и сопровождающих их комментариях издателей, а также в форме писем, рассказов и заметок очевидцев, написанных от лица жителя республики или иностранного путешественника. В общем виде все выявленные в рамках исследования описания «современных республик» в журналах «Вестник Европы», «Сын Отечества» и «Дух журналов» можно разделить условно на три группы.

Первую составляют тексты, авторы которых описывают положение во Франции периода республики. Но поскольку большое количество и жанровое многообразие таких публикаций не позволяет показать в рамках одной статьи все существовавшие трактовки, палитра которых распространялась от позитивно-оптимистичных трактовок в 1802 г. до утверждений об ужасах революции, совершаемых сторонниками «республиканской партии», приведем лишь один пример опосредованной самопрезентации республики российским читателям. В журнале «Вестник Европы» была опубликована статья «Изображение состояния Французской Республики, представленное Консулами Законодательному Совету», авторство которой было обозначено — «Бонапарт». Характеризуя положение во Франции, автор отмечал ряд достижений республики: а) объявлена свобода религий и веротерпимости; б) совместная деятельность «правления и чиновников» сформировала в обществе взаимное доверие, и теперь даже «иностранцы и враги Отечества признали, что Республика живет в сердце французов, и что она имеет уже зрелость веков»; в) республиканское правление способствовало прекращению масштабных финансовых злоупотреблений; г) созданы новые учебные заведения для «республиканского и благородного воспитания» детей «воинов или других заслуженных республиканцев»; д) республиканское «правление всячески будет способствовать успехам художеств и торговли»; е) республика в колониях выполняет цивилизаторскую миссию, в том числе может способствовать отмене рабства.²⁰ Завершает позитивный образ французской республики утверждение об исключительно миролюбивом характере ее внешней политики: «Республика во всех частях мира имеет только друзей и союзников, и везде торговля и промышленность

ея обращается на прежний путь свой».²¹ Однако дальнейшие действия Наполеона как внутри страны, так и в сфере внешней политики существенно изменили образ республики.²² Все произошедшее нередко трактовалось как подтверждение общего правила о перерождении республики в больших государствах в тиранию. Так, например, в статье «Первые годы царствования Александра I» утверждалось: «...внезапное превращение Французского правления из Республиканского Консульского в Монархическое подтвердило давно уже всеми признанную истину, что государство обширное и великое не может и не должно быть Республикою. Чем оно более, тем вреднее для него образ Республиканского правления».²³

В 1818 г. А. Куницын в статье «О конституции» дополнил размышления о современных республиках новыми аргументами экономического характера. По его мнению, опыт Франции убедительно доказывает принципиальную невозможность воссоздать в современных странах республику по образцам древних Греции и Рима, так как современные государства отличаются от древних республик не только размерами, но главным образом способом ведения хозяйства, «нравами и занятиями жителей». Аргументируя данный тезис, А. Куницын писал: «Ныне другие времена, другие обычаи. <...> Люди свободного состояния считают прибыточные упражнения похвальными, а праздность и беспечность о делах хозяйственных постыдным препровождением времени. <...> Потому жители нынешних Государств, вопреки духу древних республиканцев, не желая быть сами законодателями, хотят только иметь при лице Верховного Властителя своих представителей, которые бы его, яко отца народа, извещали о нуждах общественных...»²⁴ Таким образом автор убеждает читателей в предпочтительности для современных государств представительной конституционной монархии. При этом речь идет не об ограничении власти монарха, а о возможности создания информационного канала обратной связи народа и верховной власти, который, по сути, будет

²¹ Там же. С. 98.

²² См. подробнее: Теплова В. А. «Вестник Европы» Карамзина о Великой французской революции и формах правлений // XVIII век. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — начала XIX века. Л., 1969. Вып. 8. С. 273, 274.

²³ Первые годы царствования Александра I // Вестник Европы. 1804. № 21. С. 64.

²⁴ Куницын А. О конституции // Сын Отечества. 1818. Ч. 45. № 18. С. 205, 206.

²⁰ Изображение состояния Французской Республики, представленное Консулами Законодательному Совету // Вестник Европы. 1802. Ч. 1. № 1, январь. С. 85–86, 89–93.

выполнять те же функции, что и собрание граждан в республике. Для большей убедительности А. Куницын цитирует слова, публично произнесенные императором Александром I при открытии Сейма Царства Польского в Варшаве 15 (27) марта 1818 г. о допустимости «законосвободных установлений», если они «приводятся в исполнение по правоте сердца и направляются с чистыми намерениями к достижению полезной и спасительной для человечества цели» и «общим содействием утверждают истинное благосостояние народов».²⁵ В такой трактовке республика как форма правления, нацеленная на утверждение и неукоснительное соблюдение законов, обеспечивающих личную безопасность и неприкосновенность собственности граждан в современном мире, оказывалась аналогом конституционной монархии с выборными представителями от народа. Единственное условие, необходимое и в республике, и при монархической форме правления, — «правота сердца» и «чистые намерения», то есть все те же гражданские добродетели, которыми должны обладать верховный правитель и граждане.

Вторая условно выделяемая группа публикаций — описания небольших, экзотических для российского читателя республик. Яркой иллюстрацией такого рода текстов является, например, «Письмо немецкого путешественника» о пребывании в Республике Сан-Марино.²⁶ Автор воспроизводит ряд классических стереотипов о республике: «...в С. Марино видно везде влияние свободы. <...> Нравы жителей просты и неиспорчены; сии люди от природы имеют здравый ум и просвещены. Редко найдешь между ними человека без сведения в Истории».²⁷ Однако при описании политического устройства республики идеалистическая картина сменяется признанием возможности перерождения республики в тиранию «тридцати благородных фамилий», которые однажды «умерили дух демократический», «мало по малу ввели Олигархию и только одну тень вольности оставили в Отечестве».²⁸ Именно борьба между кланами была «единственной причиной немногих революций, которые волновали Республику».²⁹ В сложившихся условиях «С-Маринские Республиканцы, желая из-

бавиться от их тиранства, обратились к Папе, покровителю республики, и хотели быть его подданными».³⁰ Реакция Папы Римского позволила вновь восстановить республику, и они «вольность свою утвердили на мудрых законах, отвративших новые революции».³¹ Все это, по свидетельству автора письма, обусловило настороженное отношение к «политическим революциям в Европе».³²

Не менее противоречивый образ современной республики был представлен в «Письме из С. Доминго, Французского американского острова».³³ От лица местного жителя читателю сообщалось о положении в республике: единственным основанием для различий при избрании «в гражданские должности» является «преимущество талантов и добродетелей»; «закон равен для всех как в наказании, так и в покровительстве»; конституция «утверждает личную свободу и безопасность», неприкосновенность частной собственности.³⁴ При этом автор несколько раз подчеркивает, что на практике главную роль играет назначенный в качестве исключения на выборную должность губернатора генерал Туссен Лувертюр. Читателю сообщалось, что, хотя в дальнейшем губернаторы каждые пять лет будут избираться гражданами, нынешнему губернатору «конституция» дает «право избрать себе преемника, на горестный случай смерти его».³⁵ Завершает противоречивый образ главы республики описание его прав и обязанностей. Формально он был должен раз в два года отчитываться перед Собранием за расходование денежных средств республики, но фактически в его руках сконцентрированы основные рычаги управления: он назначает на все гражданские и воинские должности; командует армией, флотом, полицией; «смотрит за книгами, привезенными в Колонию и запрещает вредные для нравов».³⁶ Более того, он имел право предлагать для утверждения депутатам республики новые законы, в том числе «даже противные конституции, если опыт доказывает ему необходимость оных».³⁷

Описание противоречий в законодательстве дополнялось важным для писания лю-

²⁵ Там же. С. 210, 211.

²⁶ См.: С.-Маринская республика. Письмо одного немецкого путешественника в 1801 г. // Вестник Европы. 1802. Ч. 6. № 21, ноябрь. С. 63–69.

²⁷ Там же. С. 68.

²⁸ Там же. С. 66.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 67.

³² Там же. С. 68.

³³ Письмо из С. Доминго, Французского американского острова // Вестник Европы. 1802. Ч. 1. № 2. С. 79–86.

³⁴ Там же. С. 80.

³⁵ Там же. С. 82.

³⁶ Там же. С. 80, 82.

³⁷ Там же. С. 82.

бой республики элементом — характеристикой личностных качеств граждан. Автор пишет, что среди граждан республики есть «льстецы Туссена Лувертюра», которые распространяют слухи о его происхождении от «африканского принца», известного в Конго 300 лет назад. В действительности же — сообщает автор письма читателю — нынешний глава республики «обязан некоторому просвещению своему С. Домингскому священнику, который выучил его раз-уметь буквы». Но даже такой начальный уровень просвещения, позволяющий губернатору знать «Отче наш и несколько сот Французских слов», позволил стать ему «пророком для грубых Негров».³⁸ Из всех гражданских добродетелей автор отмечал только то, что «Туссен умен и храбр», но тут же оговаривался — он «совсем не имеет характера, не может скоро ни на что решиться, всякому обещает и редко исполняет».³⁹ Дополнительным аргументом, вызывающим сомнения читателя в соответствии данной республики античному образцу, был размещенный после основного текста комментарий от лица издателя, в котором сообщалось, что есть и другие письма, полученные им из С. Доминго через Францию и «Американские Соединенные области», в которых высказывается недовольство жителей республиканской конституцией и узурпацией власти губернатором.⁴⁰

В общем виде предлагаемые российскому читателю описания современных республик не могли рассматриваться в качестве образца для подражания. Опасность перерождения республики в деспотию, зависимость от природно-географических условий, недостаточность и/или неравномерность распространения «гражданских добродетелей» — все это приводило к конструированию образа современных республик как своеобразной пародии на древние республики.

Единственным позитивным примером возрождения идеи республики в современных условиях рассматривался опыт создания республики «Соединенных Американских областей». Сравнительно-контекстуальный анализ публикаций в жанре писем, записок очевидцев, комментариев и авторских описаний основных положений «Конституции Соединенных Американских областей» позволил выявить несколько тематических блоков, характеризующих понимание современниками условий существования «республики Нового Света».

1. Для поддержания порядка и законности в республике необходимо наличие «гражданских добродетелей». Образ законопослушного гражданина республики, который, пользуясь предоставленными ему правами и свободами, осознавал необходимость самоограничения своих потребностей во имя общего блага, был представлен и в статье П. Свиньиной «Взгляд на республику Соединенных Американских областей». По словам автора, «американцы показали себя совершенно достойными наслаждаться теми правами истинной вольности и счастья, которые были первою основою духа их правления», а «законы Американские кажутся установленными для доброго, мудрого народа, умеющего содержать себя в границах прав человеческих и общественных».⁴¹ В данном контексте «истинным гражданином» назывался человек, обладавший необходимыми для существования республики морально-нравственными качествами.

2. Устойчивость республики зависит от степени персонификации идеальных качеств республиканца в личности президента. По словам автора «Письма из Соединенных Американских областей», главная заслуга президента Т. Джефферсона состояла в том, что «он все важные должности поручает людям, удостоенным общего почтения; людям, которых способность изведена опытом в нижних должностях, и которые в республиканском патриотизме своем никогда не искали личных для себя выгод».⁴² Одновременно с этим подчеркивались личностные качества президента, позволяющие «заслужить любовь сограждан и уважение потомства»: «...он ласков непритворно, обходителен без унижения, знающ, тверд и пламенный республиканец. Таков Начальник Соединенных областей: человек, который имея возможность делать добро, делает его с усердием».⁴³ В общем виде выдвигание на первый план фигуры президента позволяло читателю провести определенные аналогии с целями и нравственными качествами просвещенного монарха, который в аналогичных публикациях также олицетворял собой стремление к общему благу и верховенству закона.

3. Создание республики «Соединенных Американских областей» — результат уникального

³⁸ Там же. С. 85.

³⁹ Там же. С. 85.

⁴⁰ См.: Там же. С. 84–86.

⁴¹ Взгляд на республику Соединенных Американских областей // Сын отечества. 1814. Ч. 17. № 45. С. 253.

⁴² Письмо из Соединенных Американских областей // Вестник Европы. 1802. Ч. 1. № 2, январь. С. 75.

⁴³ Там же. С. 76.

сочетания политических, экономических и морально-нравственных факторов, который не может быть воспроизведен в других странах. Война за независимость и провозглашение конституции отождествлялись с революцией, но в отличие от ситуации в странах Европы, здесь революция не привела к «падению нравов», напротив, благодаря единению нравственных усилий граждан была создана республика. В одном из многочисленных свидетельств русских путешественников сообщалось: «Революция Американская не может быть уподоблена никакой другой, и конечно, надобны были необыкновенные причины, чтоб произвести то удивительное всеобщее согласие, коим Американцы превозмогли все непреодолимые препятствия!»⁴⁴ В качестве такого рода «необыкновенных» причин чаще всего называли географическое положение и общность интересов большинства переселенцев из Европы, считавших возможным на новом месте полностью реализовать идеалы свободного общества.

4. Республика «Соединенных Американских областей» обеспечивает гражданам свободу предпринимательства, что способствует развитию экономики. В российских журналах такого рода утверждения преподносились в форме записок русских путешественников и писем иностранцев. П. Свиньин в статье «Наблюдения Русского в Америке», восхищаясь быстрыми успехами американцев в развитии различных технических приспособлений, объяснял этот феномен «покровительством законов и свободой предприимчивости».⁴⁵ Основным условием стабилизации политического и социально-экономического положения авторы называли установление республиканской конституции. В 1820 г. издатель журнала «Отечественные записки» отмечал, что именно «конституция» республики стала основой укрепления торговых взаимосвязей США со многими государствами мира.⁴⁶ Подтверждение этого тезиса российский читатель мог найти в обстоятельном обзоре системы государственного управления, прав и свобод граждан республик под заголовком «Конституция Северо-Американских соединенных областей».⁴⁷

Таким образом, в публичных текстах исторические примеры древних республик и их современные аналоги трактовались как свидетельство важности сочетания особенностей природно-климатического положения, социальной структуры общества и гражданских добродетелей. Как правило, отмечалось, что в Российской империи исторически сложилось иное соотношение природы, размера территории, национального и социального многообразия, которые обусловили нецелесообразность республиканской формы правления. Но это не означало отрицания ценности идей республиканизма с позиции воспитания у подрастающего поколения «гражданских добродетелей» и стремления к достижению «общего блага».

Все вышеизложенное позволяет сделать ряд предварительных выводов. В России первой четверти XIX в. понятия «республика», «республиканизм», «гражданские добродетели» становятся важными инструментами формирования в общественном сознании сложносоставной системы координат, которая признавала безусловную важность гражданских добродетелей и готовности к самопожертвованию всех жителей страны, включая и просвещенного монарха. Сознательное смещение в публичных текстах акцента с институциональной формы организации власти на человека с его чувствами и эмоциональными реакциями позволяло современникам размышлять о возможности сочетания республиканских идеалов и монархии, вне зависимости от того, будет ли она абсолютной или конституционной.⁴⁸ Такое прочтение идеи республики прослеживается и в частных текстах. Например, о возможности встраивания идеи республиканизма и монархии 11 сентября 1818 г. Н. М. Карамзин писал И. И. Дмитриеву: «Мне гадки лакеи, и низкие честолюбцы, и низкие корыстолюбцы. Двор не возвысит меня. Люблю только любить государя. К нему не лезу и не полезу. Не требую ни конституции, ни Представителей, но по чувствам остаюсь республиканцем, и притом верным поданным Царя русского: вот противоречие, но

⁴⁴ Взгляд на республику Соединенных Американских областей. С. 256, 257.

⁴⁵ Свиньин П. Наблюдения Русского в Америке // Сын отечества. 1814. Ч. 16. № 36. С. 136.

⁴⁶ См.: Он же. Торговые отношения России с Соединенными областями и взгляд на генеральную торговлю последних // Отечественные записки. 1820. Ч. 4. Кн. 8, декабрь. С. 273.

⁴⁷ Конституция Северо-Американских соединенных областей // Дух Журналов. 1820. Ч. 38. Кн. 3. С. 109.

⁴⁸ Институционализация республики с опорой на опыт древних республик и «Соединенных Американских областей» была актуальна лишь для небольшой группы наиболее радикально настроенных членов тайных обществ, позиция которых оставалась неизвестной широкой читающей аудитории. См. подробнее: Боккова В. М. «Ликурговы законы» Павла Пестеля // Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 215–227.

только мнимое!»⁴⁹ В этом контексте республиканизм становился символом духовного, нравственного единения власти и граждан/подданных, который, по сути, становился частью официального государственно-патриотического дискурса, в основании которого было утверждение, что важна не структурно-функциональная организация властных институтов, а «любовь к Отечеству», внутренняя

мотивация граждан действовать ради общего блага и личностные качества главы государства. Таким образом, республиканский дискурс в России был общим основанием, отправной точкой в рассуждениях об идеальной модели общественного устройства как в публичных текстах, так и в проектах конституций, которые оставались неизвестными широкому кругу читателей.

Dmitrii V. Timofeev

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: dmitrtim@yandex.ru

THE CONCEPT OF “REPUBLIC” IN PUBLIC SPACE OF THE RUSSIAN EMPIRE
OF THE FIRST QUARTER OF THE 19TH CENTURY

On the basis of the comparative and contextual analysis of publications in the Russian periodicals of the first quarter of the 19th century the article reconstructs the methods of argumentation used in the course of public discussion of ideals and practice of republicanism. Theoretical approaches of the modern history of concepts are used as methodological tools to reveal the ideas of contemporaries about the essence of the republic, the reasons for its emergence and decline, the nature of the relationship between citizens and the state. The intellectual context of Russia's republican discourse was built on the basis of combination of two space-time prospects — historical experience of the republics of the ancient world and the description of options of the embodiment of the republican idea in France, the modern small states, and “the Republic of the Connected American Areas”. In public space of Russia of the first quarter of the 19th century the republicanism remained an important element of a discourse “about the best form of communal life” which starting point was a statement about the paramount importance of moral qualities of subjects/citizens and the monarch for steady functioning of power institutes. Such interpretation of the republican idea in Russia caused a shift from a question of the institutional embodiment of the republic to reflections about a possibility of combination of republicanism as the ideas of joint action of patriotic citizens, their partnership in “common cause” with historically developed monarchic form of government.

Keywords: *republic, republicanism in Russia, history of concepts, history of social thought in Russia of the 19th century*

REFERENCES

- Atnashev T., Velizhev M. [Cambridge school: history and method]. *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noy istorii* [Cambridge school: theory and practice of intellectual history]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018, pp. 7–52. (in Russ.).
- Bödeker H. E. [Reflections on method of history of concepts]. *Istoriya ponyatij, istoriya diskursa, istoriya metafor: sb. statey* [History of concepts, discourse history, history of metaphors: collection of articles]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. pp. 34–65. (in Russ.).
- Воква В. М. [“Lycurgus laws” by Pavel Pestel]. *Dekabristy: aktual'nyye problemy i novyye podkhody* [Decembrists: current problems and new approaches]. Moscow: RGGU Publ., 2008, pp. 215–227. (in Russ.)
- Miller A. I., Sdvizhkov D. A., Schierle I. [“Concepts of Russia”: toward a historical semantics of the Imperial period. Preface]. *“Ponyatiya o Rossii”: k istoricheskoy semantike imperskogo perioda* [“Concepts of Russia”: toward a historical semantics of the Imperial period]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, vol. 1, pp. 5–46. (in Russ.).
- Теплова В. А. [Karamzina's “Vestnik of Europe” about the Great French revolution and forms of boards]. *XVIII vek. Derzhavin i Karamzin v literaturnom dvizhenii XVIII — nachala XIX veka* [18th century.

⁴⁹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 248, 249.

Derzhavin and Karamzin in the literary movement of the 18th — early 19th century]. Leningrad: “Nauka” Leningradskoye otdeleniye Publ., 1969, vol. 8, pp. 269–280. (in Russ.)

Velizhev M. [Republicanism in social thought of Russia of the first half of the 19th century]. *Res Publica: Russkiy respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX veka* [Res Publica: The Russian republicanism from the Middle Ages to the end of the 20th century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, pp. 399–505. (in Russ.).

Для цитирования: Тимофеев Д. В. Концепт «республика» в публичном пространстве Российской империи первой четверти XIX в. // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 93–102. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-93-102.

For citation: Timofeev D. V. The concept of “republic” in public space of the Russian empire of the first quarter of the 19th century // Ural Historical Journal, 2022, no. 3 (76), pp. 93–102. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-93-102.